
Инновационное развитие России в цивилизационном и институциональном контексте¹

Н.Н. ЗАРУБИНА*

*Зарубина Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД России. Адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76. E-mail: n-zarubina@yandex.ru

Цитирование: Zarubina N. (2015) The Civilizational and Institutional Contexts of Innovation-Driven Development in Russia. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 28–49 (in Russian)

В статье рассматриваются цивилизационные и институциональные предпосылки инновационного развития России. Автор приходит к выводу, что одним из основных препятствий для него стал слишком большой «шаг новизны» (А.С. Ахиезер), то есть чересчур высокий темп и неорганичный характер институциональных изменений. Он привел к тому, что социальные инновации не только не усваиваются обществом, но и порождают архаизацию социальных практик. В частности, рыночные реформы не способствовали становлению инновационной экономики, а сформировали рентаориентированное предпринимательство, привели к частичной деиндустриализации и деградации человеческого капитала. В повседневной жизни россиян также происходит архаизация социальных практик, рассматриваемая как форма адаптации к неорганичным трансформациям, от которых многие группы населения испытывают отчуждение вследствие недостаточности институциональных условий их освоения.

Ключевые слова: социальные инновации, инновативность, «шаг новизны», сложное общество, адаптация, архаизация, повседневная жизнь

Переход российской экономики на инновационный тип развития стал императивом последних лет, однако он происходит недостаточно эффективно для того, чтобы

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-04266.

наша страна смогла дать ответ на вызовы изменений в международных отношениях. Инновационное развитие как особый социокультурный феномен стало предметом исследований ученых разных специальностей – от инженеров, менеджеров и экономистов до социологов, психологов и философов. Примечательно, что выводы, к которым они пришли в результате разносторонних исследований, нередко расходятся и даже противоречат друг другу. С одной стороны, констатируются неудовлетворительные показатели: в 2014 г. в Глобальном индексе инноваций (ГИИ) наша страна занимает 49-е место из 143. По показателям доли инновационной продукции, ее внедрения на российских предприятиях и доли принципиально новых для рынка товаров Россия в разы отстает и от экономически развитых стран, и от Китая. Сами россияне прекрасно отдают себе отчет в отставании страны: так, в 2010 г. более половины респондентов были согласны с тем, что *наша страна слабее развитых стран мира в области внедрения инноваций в промышленности*, и еще больше – почти 2/3 – высказались подобным образом об уровне *внедрения технических новинок в повседневную жизнь* [Шувалова 2010, с. 41]. Анализ индикаторов ГИИ свидетельствует о том, что в 2014 г. одной из сильных сторон России были качество человеческого капитала (30-е место) и развитие знаний и технологий (34-е место), в то время как мешали развитию несовершенные институты (88-е место), низкие показатели творческой деятельности (72-е место) и развития внутреннего рынка (111-е место) [Глобальный индекс инноваций 2014].

С другой стороны, исследователи свидетельствуют о том, что по творческим качествам россияне вовсе не уступают представителям других культур. Согласно исследованиям, проведенным по методике С. Шварца, российская молодежь в чем-то даже превосходит сверстников более развитых обществ по способностям к нахождению нестандартных решений, творческому потенциалу и т.п. [Ясин, Лебедева 2009; Лебедева 2009].

Так в чем же причина столь очевидной противоречивости в инновационном развитии России? Почему в нашей стране при явной предрасположенности и уж, во всяком случае, отсутствии враждебности к преобразованиям со стороны населения налицо явное отставание в производстве и внедрении инноваций? Некоторые исследователи склонны видеть причины этого в «культурном барьере», менталитете русского народа [Ясин, Лебедева 2009, с. 18]. Все же нам представляется, что инновационному развитию препятствуют не столько менталитет или характер культуры, сколько особенности социокультурной динамики и институциональных трансформаций, происходивших в процессе российских модернизаций. Для того чтобы люди проявили живую заинтересованность в качественно новых формах деятельности, они должны видеть их востребованность экономикой и обществом. Для того чтобы человеческий капитал реально работал в экономике и способствовал прогрессу страны, необходимы институциональные условия, которые, как представляется, в России пока присутствуют в недостаточной степени; более того, получили развитие тенденции архаизации институциональной среды хозяйственной деятельности.

В данной статье представлен анализ места инновативности и инновационного развития в системе экзистенциальных и ценностных оснований российской цивилизации, а также влияния на них институциональных трансформаций в экономике и в повседневной жизни – в сферах труда, досуга. Автор отдает себе отчет в том, что на прогресс оказывают сильное влияние также и институты науки, образования, коммуникаций и т.д. Однако в рамках данной статьи они не рассматри-

ваются, поскольку представляется, что принципиальным для России с ее цивилизационной спецификой является воздействие тех институтов, которые востребуют практическое внедрение новшеств. А оно зависит в первую очередь от институтов рынка, в том числе и рынка труда, предпринимательства, потребления, включая досуговые практики.

Экзистенциальные и цивилизационные основания инновационного развития России

Для решения поставленного вопроса необходимо перейти от узкого экономического определения инновации как «продукта (новая конструкция, технология, организационный прием и т.п.), воплощенного в товаре, который пользуется спросом на рынке в силу своей новизны» [Ясин, Лебедева 2009, с. 17] к рассмотрению ее в более широком социокультурном и историческом контексте. Инновационная деятельность представляет собой *метадеятельность*, объектами которой выступают другие виды деятельности [Лапин 2008, с. 45], чей рутинный характер так или иначе перестает удовлетворять потребностям общества, поскольку в таком виде они не дают ответа на возникающие перед ним новые проблемы и вызовы. Помимо собственно технологических и технических преобразований, принято выделять *социальные инновации*, предполагающие возникновение и распространение новых образцов поведения, отношений, норм и ценностей. Они должны предшествовать техническим и рыночным нововведениям, готовить социокультурную почву для их возникновения и распространения.

Инновативность как особое качество деятельности и готовность общества к производству, принятию и распространению новшеств не является *a priori* присущим человеку свойствам, она формируется под воздействием определенной социокультурной среды. Целый ряд исследователей предложили свои ответы на вопрос о том, что же способствует возникновению этой особенности культуры и социума. По упомянутой нами методике С. Шварца, в качестве ориентированных на преобразования рассматривают культуры, в которых развиты такие ценности, как самостоятельность, открытость к изменениям, ориентация на риск, а также универсалистские нравственные и социальные ориентации [Schwartz, Bardi 2001, р. 268]. С. Шейн предложил рассматривать в качестве благоприятных преимуществ два основных социокультурных признака: во-первых, сглаженность иерархии, обеспечивающая децентрализацию власти и контроля, свободную коммуникацию, динамизм и гибкость социальных отношений. Во-вторых, индивидуализм, в особенности ориентации на индивидуальную достижительность, способствующую инициативе и творчеству [Shane 1992, р. 29]. Со своей стороны, Л. Харрисон выделил десять признаков, отличающих динамичные, склонные к прогрессу культуры от статичных: в их число входят ориентация на будущее, на активное отношение к жизни и внешнему миру, поощрение индивидуальных способностей и достижений, независимость взглядов и суждений т.п. [Харрисон 2002, с. 294–295].

Таким образом, исследователи связывают инновационное развитие с социокультурными характеристиками общества модерна, а его отсутствие – с признаками традиционных обществ: иррациональностью, пассивностью, ориентациями на прошлое, ортодоксальностью взглядов и т.п. Модернизация рассматривается как

культурные трансформации, определяющие дальнейшую предрасположенность общества к активному производству и благоприятному восприятию нового. Сама по себе инновативность минимальна в традиционных культурах, потому что они основаны на *устойчивости и сбалансированности* отношения человека к миру, а также на преобладании приписанных социальных статусов. Здесь индивид в ходе социализации получает набор знаний и навыков, вполне достаточных для ориентации в обществе и полноценного участия в повседневных практиках в течение всей жизни.

Предпосылки для прогрессивного развития возникают вместе с появлением *напряженности между сознанием и бытием человека*, между мирским и сакральным, посюсторонним и трансцендентным. Инновативность как качество сознания и мышления, менталитета и культуры, а также готовность к внедрению новшеств как качества культуры проявляются при возникновении «осевого времени», то есть, по выражению К. Ясперса, с осознанием человеком «самого себя и своих границ, ужаса мира и собственной беспомощности» [Ясперс 1991, с. 30]. В цивилизациях «осевого времени» человек перестает отождествлять себя с внешним миром, выделяет себя из космоса как природного и социального окружения и начинает ощущать неопределенность бытия и напряженность между своим существованием и внешним космическим порядком. В этих цивилизациях у людей возникает потребность в новых знаниях и новых способах действий как возможных путях решения проблем неопределенности бытия. Появляющиеся в цивилизациях «осевого времени» философия и высокие религии, которые М. Вебер называет религиями спасения, или этическими религиями, формируют специфический дискурс осмысления разнообразных противоречий между представлениями о трансцендентном и наличном порядке.

Э. Фромм, в свою очередь, отмечает, что «стремление к прогрессу не является врожденным свойством человека, противоречивость его существования – вот что заставляет человека двигаться вперед... Будучи изгнанным из рая, утратив единство с природой, человек стал на путь вечного поиска, превратился в вечного странника (Одиссей, Эдип, Авраам, Фауст); он вечно должен идти вперед, открывая все новые и новые области неизвестного, заполняя пробелы в своих знаниях» [Фромм 2003, с. 61]. Таким образом, инновации возникают как *разрешение противоречия*, как результат живой заинтересованности, ангажированности человека и его жертвенной аскезы ради преодоления разрыва с мировым целым.

Блокируют стремление к обновлению не традиционные культуры сами по себе, а те ее формы, которые ориентированы на узкопрактическое, утилитаристское отношение к миру, препятствующее выходу за рамки очевидного и само собой разумеющегося, замыкающие человека в попытках приспособиться к окружающему миру, вместо того чтобы изменять его. Известно, что открытия общецивилизационной значимости, сделанные в древнем Китае (компас, порох) не получили там практического применения за пределами узкой ритуальной сферы и не оказали существенного влияния на развитие общества. М. Вебер объяснял отсутствие в традиционном Китае эндогенных предпосылок обновления экономики и общества отсутствием напряжения между человеком и миром, обусловленным особенностями религиозного мировоззрения, принимавшего реальный мир как единственно возможный, гармоничный и благой, а цель человека – как адаптацию к нему. В то время как импульсом для модернизации западной цивилизации, по мнению немецкого социолога, стало вызванное христианством предельное этическое напряжение

между бытом и духовной жизнью [Weber 1923, p. 521; Вебер 1990, с. 154]. Сама повседневность, подвергшаяся в результате Реформации последовательной религиозной рационализации, упорядочению и переосмыслению в духе самодисциплины и самоограничения, превратилась в важнейшую сферу духовной самореализации.

Каковы предпосылки прогрессивного развития в русской культуре? Она всегда отличалась напряженностью нравственных исканий и глубокой озабоченностью высшими, трансцендентными смыслами бытия. Об укорененности в ней мотивации инновационного мышления свидетельствует присутствие в ней архетипа Левши – изобретателя-самородка, способного преобразовать существующие рутинные практики ради самого удовольствия от творчества. Этому образу мыслей во многом близок архетип Странника, пребывающего в постоянном «духовном голоде», занятого поиском ответов на вечные вопросы в духовном восхождении. В этом архетипе заложен «ужас мира» – не просто апокалиптические ожидания, но осознание непреодолимого несовершенства бытия, невозможность удовлетвориться, успокоиться на достигнутом. Отсюда постоянно присущая жажда «божественной правды», мистических откровений, устремления к «абсолютным», «последним» истинам: «В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание... Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалует о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утolenия. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни» [Бердяев 1990, с. 20]. Вполне логичным развитием архетипа Странника является отвержение рутины, материальных интересов, презрение к буржуазным идеалам комфорта, скромного благополучия, порядка.

Но в то же время, как утверждал один из самых известных интерпретаторов изначальной антиномичности русской культуры Н.А. Бердяев, в ней *столь же постоянно* присутствует и тема «духовной сытости», удовлетворенности существующим положением вещей, ее консервации и охранения: «Противоречие и противоборство духовной сытости и духовного голода – основное для России, из него объяснимы многие другие противоречия России» [Бердяев 1990, с. 30].

При этом, по мнению Н.А. Бердяева, мощное духовное начало оказывается лишенным активного, созидательного, творческого импульса, который был бы способен оформить, упорядочить, легитимизировать срединную культуру. Духовное содержание жизни противопоставляется ее земными интересами и потребностями, что приводит к двойному обесцениванию повседневности: с одной стороны, она сама по себе лишается того сакрального, душеспасительного смысла, которым наделяется в западном христианстве; с другой – обыденность утрачивает религиозную рационализацию, которая структурирует и упорядочивает, придает ей дополнительные факторы устойчивости в виде норм и ценностей, имеющих высшую духовную и нравственную санкцию [Зарубина (2) 2011, с. 55]. Представляется, что именно поэтому все, что связано с ежедневным устройством хозяйственной, политической, культурной, нравственной жизни, остается вне творческого начала, вне движения, вызванного духовной озабоченностью: «Россию почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна, так ленива, так погружена в материю, так покорно мирится со своей жизнью» [Бердяев 1990, с. 21].

При этом обустройство, постепенное улучшение обыденной жизни практически всегда казались чем-то низменным и недостойным внимания. Поэтому она

оставалась застойной, унылой сферой «крепкого быта и тяжелой плоти», которая «не любит красоты, боится красоты, как роскоши, не хочет никакой избыточности» [Бердяев 1990]. Мистические, метафизические поиски вечных истин не превращаются в практическую созидательность, между интеллектуальной и духовной тягой к обновлениям и практической реализацией преобразований существовал и продолжает присутствовать разрыв, самым наглядным проявлением которого являются успехи и достижения российских ученых и инженеров, изобретения, существующие в единственном экземпляре и не имеющие перспектив внедрения. Как это ни парадоксально, гораздо более благоприятные для реального прогрессивного развития ситуации складываются в культурах с менее развитой научной инновативностью, но ориентированных на срединную культуру. Хорошо известно, что и японское, и китайское «экономическое чудо» начиналось с покупки патентов и копирования чужой продукции при отсутствии собственных научных и технических разработок.

Таким образом, одной из важнейших причин торможения производства и внедрения обновлений в экономике и других повседневных практиках является пренебрежение срединным устройством жизни, ее обесценивание. А из пренебрежительного третирувания и обесценивания следует постоянная готовность ломать, перекраивать жизнь в соответствии с некими абстрактными проектами.

На протяжении нескольких столетий социальная жизнь в России складывается в условиях постоянных трансформаций и сопряженных с ними социальных преобразований, которые можно охарактеризовать как попытки неорганичной модернизации, осуществлявшиеся сверху. Эти трансформации начиная с петровских реформ и кончая постсоветскими преобразованиями рубежа XX–XXI вв. происходили по бинарной логике разрушения укорененных основ традиционного устройства бытия и замены их на новые, в том числе и по принципу некритического заимствования чужих форм организации жизни. Сформировалась смысловая оппозиция «старое–новое», в которой, как заметил Ю.М. Лотман, «первое мыслится как плохое, неценное, а второе как исполненное достоинства», а также утверждается представление о необходимости бесконечного усовершенствования нового [Лотман 2010, с. 207].

В этом смысле можно говорить о России как самой, по существу, нетрадиционалистской стране. Соответственно, проблема российских преобразований, включая перестройку и рыночные реформы 1990-х гг., состояла не в торможении преобразований «реакционными традициями», как часто утверждают неудачливые реформаторы, а в отсутствии устойчивого срединного уровня бытия, на котором эти изменения могут закрепляться в стабильных, органичных структурах. А.С. Панарин отмечал: «Беда России в том, что в ней слишком велика доля сконструированного, а потому, соответственно, демонтируемого. Каждая встреча поколений оказывается не встречей традиционалистов и новаторов, а скорее, конструктивистов и деконструктивистов» [Панарин 2005, с. 170].

Порождаемые при этом риски состоят не столько в сопровождающих трансформации и модернизации потерях в экономике, бытовых неурядицах, сколько в необходимости каждый раз переопределять практически все структуры социального бытия, содержание социальных ролей, правила действий, стереотипные интерпретации и оценки. Практически все следовавшие за петровскими реформами российские модернизации бесцеремонно ломали повседневность ради создания новых искусственных конструкций, выказывали полное пренебрежение «малым

миром» перед лицом эпохальных социокультурных сдвигов. Однако эти радикальные повороты не были сопряжены с длительными усилиями по его упорядочению, рационализации, стабилизации, которые были предприняты на Западе.

Постоянным антиподом инновативности в научной мысли и обыденном сознании представляется консерватизм, стремление сохранить ценности, нормы, институты прошлого в неизменном виде, противопоставить их изменениям. Однако в контексте российской культуры и российской истории проблема прогресса и консерватизма получает принципиально новое значение. Консерватизм предстает уже не как косное нежелание что-то в жизни менять, изобретать и внедрять нечто новое, а как естественная попытка защитить сами основы социального бытия от необоснованной дискредитации и разрушения, от деструктивных последствий, которые нововведения нередко несут в социальную, хозяйственную, политическую жизнь. Можно согласиться с В.Н. Лексиним, считающим естественный консерватизм русского менталитета иммунной системой общества [Лексин 2010, с. 75–77].

Таким образом, мы имеем дело с очередным парадоксом русской истории, состоящим в *невозможности перейти на путь инновационного развития экономики в условиях постоянных социальных преобразований*, трансформирующих самые глубокие основы жизни общества.

Известно, что бурное генерирование и заимствование новшеств не всегда сопровождается их продуктивным усвоением. А.С. Ахиезер ввел понятие «шага новизны», которое, к сожалению, не получило разработки в современных научных исследованиях. Оно означает величину допустимых новшеств, значимо не нарушающую комфортное состояние субъектов развития [Ахиезер 1991, с. 443]. Нарушение «шага новизны» приводит к тому, что преобразования не усваиваются и вызывают противоречия и конфликты, необходимость разрешения которых обуславливает не только отказ от прогресса, но и откат к более простым и архаичным институтам и формам культуры. Можно предположить, что нарушение «шага новизны» приводит к торможению развития, т.е. *обновлениям в сфере экономики препятствует не отсутствие инноваций, а слишком быстрые и неорганичные обновления ценностей и норм, институтов и социальных структур*. Так, в период реформ 1990-х гг. от россиян потребовалась способность в очень сжатые сроки сменить стереотипы действий, сложившиеся во времена перераспределительной плановой экономики и государственного патернализма, на хозяйственную самоорганизацию в условиях фактически «дикого» рынка, не имеющего четких институциональных оснований. Внедряемые сверху социальные преобразования превосходили допустимый «шаг новизны», поэтому и вызывали распад институтов, деградацию социокультурной системы и активизацию упрощенных, архаичных социальных практик как способов адаптации к неприемлемо быстрым и неорганичным изменениям.

Институциональные трансформации в российской экономике как вызовы для инновационного развития

Распространено мнение, что именно капиталистическое предпринимательство и рынок, сформировавшиеся в Западной Европе на рубеже нового времени, стали

социально-экономическими институтами, способствующими массовому и постоянному обновлению производства и хозяйственной жизни. Традиционное хозяйство, основанное преимущественно на автаркии и перераспределении, не было ориентировано на выход за социально детерминированные пределы потребления, поэтому не способствовало обновлению как самого производства, так и производимых продуктов. Развитие рынка и превращение его в определяющую форму социальной интеграции хозяйства породило разрыв между производством, ориентированным теперь не на потребление, а на извлечение прибылей из обмена, и реальной востребованностью продукта. Эта дезорганизация привела к росту неопределенности результатов хозяйственной деятельности, к необходимости постоянного обновления хозяйственных практик. Таким образом, именно рынок и ориентированный на него бизнес в обыденном сознании, публицистике и даже научной мысли воспринимаются в качестве институтов, способствующих прогрессу.

Однако всегда ли рынок и экономическая модернизация способствуют развитию и выполняют ли свои инновационные функции российский рынок и бизнес?

Одним из основоположников теории инноваций стал экономист Й. Шумпетер, рассматривавший сущность предпринимательства как создание новых комбинаций факторов производства в целях извлечения прибыли [Шумпетер 2007, с. 132–133]. Й. Шумпетер показывает, что предприниматели играют на рынке редкую социальную роль, поскольку действующие хозяйственные акторы стремятся к устойчивому воспроизводству уже проверенных эффективных практик, а не к принятию ответственности за риски и неопределенность, следующие за внедрением нововведений. Исполнение же предпринимательской функции означает «созидательное разрушение» прежних условий производства, приводящее к выходу за рамки сложившегося хозяйственного кругооборота. Согласно концепции Й. Шумпетера, хозяйственные и организационные новшества и сама социальная роль инноватора-предпринимателя присущи не только рыночной экономике, но и всем известным в истории формам хозяйства – от первобытных обществ до социалистической плановой экономики [Шумпетер 2007, с. 142–143]. В основе этой деятельности он видел изначально присущие некоторым людям личностные качества и порожденные ими специфические мотивы, такие как стремление к новизне, радость творчества [Шумпетер 2007, с. 165–166]. В то же время он не выделял какую-либо культурную традицию или социальную среду, которая была бы наиболее благоприятна для предпринимательства или развития экономики.

Рынок как форма хозяйства, ориентированная на извлечение прибыли из денежного обмена, по своей сути амбивалентен в отношении инноваций, т.е. может как способствовать им, так и блокировать их. Второе происходит чаще, поскольку инновационное предпринимательство всегда не только сопряжено с повышенными рисками, но и требует наличия особой идеи, нового видения перспектив, вложения не только денег, но и энергии и интеллекта. Например, в пореформенной России в 70–80-е гг. XIX в. происходил интенсивный подъем банковского капитала и акционерный бум, принесшие многим большие состояния, но не способствовавшие обновлению хозяйства в целом. Благодаря ему статус предпринимателей получили люди, не имевшие к хозяйственно-организационной деятельности особых способностей и не приложившие для своего обогащения особых усилий. Они продолжали воспроизводить устойчивые традиционные формы хозяйствования, что позволило наблюдателям отметить, что даже в период интенсивного развития рыночной экономики и индустриального капитализма российским промышленникам были

присущи «недостаток предприимчивости», стремление хозяйствовать по инерции, «боязнь убытка при выходе за привычные рамки», стремление сохранять «дело заведенное», идущее по принятому раз и навсегда порядку, независимо от того, плох он или хорош [Наше купечество 1868, с. 4, 15–16]. Купец-предприниматель находился не в символическом ряду передового, прогрессивного, творческого, а, напротив, олицетворял глубоко традиционное, архаичное, застойное. И сам подъем русского капитализма вызывал у наблюдателей ассоциации не движения вперед, у которого есть выраженный источник, локомотив и которое сопровождается потоком свежего ветра, а, напротив, брожения, разбухания бесформенной массы, вроде квашни [Наше купечество 1868, с. 38].

Писатель и публицист второй половины XIX в. Г.И. Успенский для обозначения новой социальной группы, появившейся в результате предпринимательского бума 1870–1880-х гг., придумал укоренившееся в русском языке слово «буржуй». Так назывались отнюдь не все представители торгово-промышленного сословия – буржуазии, – а лишь та его часть, которая включала в себя «рыхлую, расплывчатую массу, тестообразное, бесформенное сословие», разбогатевшее случайно, не приложившее к делу никаких усилий и не имеющие склонности к собственно предпринимательской, организационно-хозяйственной деятельности. «Ни малейшей личной мысли, ни малейшего личного участия в приобретении права пользоваться дарами цивилизации наш буржуй не истратил даже и на две копейки серебром; никакая личная “выдумка”, личная работа мысли, имевшие целью хотя бы только личное благосостояние, не были свойственны ему в размерах, даже более ничтожных сравнительно с размерами умственной работы немецкого колбасника» [Успенский 1988, с. 107].

Аналогичные ассоциации вызывает и постсоветское развитие, и появившиеся в «лихие 90-е» группы, в первую очередь, «новые русские», близкие по происхождению, характеру деятельности и образу жизни, скорее, к «буржуям» Г.И. Успенского, чем к «предпринимателям» Й. Шумпетера. Это внезапно разбогатевшие люди, быстро прибравшие к рукам бесхозные ценности, озабоченные не столько хозяйственно-организационной деятельностью, сколько возможностью извлекать прибыли из реальной деградации экономики на фоне распада социальных институтов и норм.

Этот печальный исторический опыт наглядно подтверждает, что извлечение прибыли из рыночного обмена возможно не только за счет нововведений, но и благодаря источникам другого рода – авантюристическим, спекулятивным операциям, повышению нормы эксплуатации, монополизации, ограничениям конкуренции, привлечению административных ресурсов и связей с государственными структурами, протекционизму, необоснованному завышению цен и т.д. Чем больше возможностей для использования внеэкономических ресурсов для обретения конкурентных преимуществ, тем меньше рынок будет способствовать инновационной активности предпринимателей. В России ко второму десятилетию XXI в. не произошло принципиальных институциональных сдвигов. По данным социологов, лишь 21% российских респондентов разделяют мнение, что компания, не производящая новых продуктов и услуг, не сможет уцелеть на рынке, в то время как в Западной Европе с этим согласны, в среднем, 40% респондентов (до 65% в Финляндии) [Шувалова 2010, с. 40–41].

Не следует, однако, спешить делать вывод о непонимании россиянами роли нововведений в экономике. Представляется, что здесь дело не в недооценке конку-

рентного преимущества, создаваемых их внедрением: наш опыт свидетельствует о том, что могут прекрасно себя чувствовать и компании, ничего не инвестирующие в развитие, но получающие рыночные предпочтения за счет монополизации, доступа к финансам, к административным ресурсам, связей с государственными структурами или конкретными чиновниками, перераспределения и захвата собственности и т.д. Проблемой современной российской социально-экономической системы является такое устройство ее институтов, которое позволяет получать незаслуженные доходы вне реального вклада в экономику. Такая возможность создает у субъектов хозяйственной деятельности ориентации вовсе не на развитие, а на извлечение ренты за счет различных форм непродуктивной деятельности [Даниленко 2013]. Инновационное предпринимательство будет оставаться в России редким, поскольку в настоящее время именно получение ренты на использование внеэкономических ресурсов оказывается более эффективными в институциональных условиях российского рынка. Более того, вследствие характерных для отечественного бизнеса ориентаций на немедленную высокую рентабельность могут блокироваться именно сложные виды деятельности, плохо поддающиеся выражению через формальные денежные показатели – например, научные исследования, изобретательство, художественное творчество и т.д., приносящие лишь отсроченную прибыль.

Таким образом, реальный российский рынок и предпринимательство как сложившиеся системы институтов сами по себе не мотивируют инновационное поведение участников. Кроме того, серьезнейшей проблемой для современной России, в первую очередь для развития экономики, стали деструктивные процессы, произошедшие вследствие неорганичных трансформаций. В годы постсоветского реформирования, декларативно ориентированного на скорейшее формирование рыночных хозяйственных механизмов, парадоксальным образом отмечена активизация глубоко архаичных, дорыночных экономических институтов – бартерных обменов, натуральных форм вознаграждения за труд, самообеспечения за счет активизации натурального хозяйства и т.д. Это еще раз подтверждает тезис А.С. Ахиезера о том, что обновления, превышающие допустимый в обществе «шаг новизны», не только не усваиваются, отторгаются, но и становятся контрпродуктивными.

Сегодня важным фактором торможения развития становятся произошедшие за последние двадцать лет структурные изменения в российской экономике, в первую очередь ее частичная деиндустриализация, сокращение собственного промышленного производства в важнейших сферах, требующих модернизации – машиностроении, приборостроении, коммуникационных технологиях и т.д. Как отмечают предприниматели, утрата производственного потенциала приводит к реальному сужению рынка для отечественной инновационной продукции, которая пока не в состоянии конкурировать на международных рынках.

Еще одной проблемой стала деквалификация рабочей силы, деградация человеческого капитала, вызванная произошедшим вследствие реформ начала 90-х гг. XX в. закрытие и перепрофилирование сложных и наукоемких современных производств (в особенности в областях машиностроения, приборостроения, электроники) привели к уходу технического и инженерного персонала в примитивный «челночный» бизнес, охранные структуры и т.п. В результате одной из серьезнейших проблем современного экономического развития, с точки зрения руководителей предприятий, стал недостаток квалифицированных кадров.

Наряду с проблемой утраты квалифицированных кадров во многих ключевых областях, существует и структурная проблема недоиспользования имеющихся человеческих ресурсов. Так, по данным А.А. Возьмителя, по сравнению с советским периодом (1981–1982 гг.) к 2008 г. в 1,6 раза (с 57% до 36%) снизилась доля людей, чьи знания, способности, возможности соответствуют выполняемой работе, а число тех, чья профессиональная квалификация и творческий потенциал не востребованы на работе, выросло в 2,4 раза [Возьмитель 2012, с. 69–70]. Если принять во внимание мировой опыт, который говорит о том, что значительная часть рационализаторских предложений на производствах исходит непосредственно от рабочих, то существующее положение дел свидетельствует об отсутствии значимых предпосылок для инновационного развития в ближайшее время.

Многие из существующих форм занятости не ориентированы на повышение уровня современных навыков и умений и способствуют архаизации труда. Например, несмотря на постоянно повторяемые на самом высоком уровне мантры об информатизации и компьютеризации, среди рабочих в профессиональных целях постоянно или хотя бы иногда пользуется компьютером лишь 13 %, в целом 58% работающих россиян не используют навыки работы на компьютере [Готово ли российское общество 2010, с. 72–73]. Хотя регулярное повышение квалификации уже получило распространение среди руководителей и специалистов, однако социологи считают, что отношение россиян к своему человеческому капиталу пока имеет качественно иной характер, чем в экономически развитых странах: они не связывают его качество с возможностями повышения доходов [Готово ли российское общество 2010, с. 74].

Таким образом, можно согласиться с исследователями, которые выражают озабоченность по поводу того, что сложившийся в нашей стране тип экономических отношений «тормозит развитие производительных сил» [Готово ли российское общество 2010, с. 72]. Институциональная система российской экономики не только не стимулирует рост инновативности или использование уже накопленного человеческого капитала, но и способствует относительной деградации, причем как среди рабочих и обслуживающего персонала, так и среди управляющего звена.

В период постсоветских реформ активизировались и теневые, криминальные формы хозяйственной и предпринимательской деятельности, ставшие реакцией на обширные пробелы в правовых и управленческих нормативных системах, которые возникли в результате неорганичных социальных преобразований. Всплеск насилия в «лихие 90-е», затронувший не только собственно криминальные субкультуры, но и представителей бизнеса и «новых богатых», является ярчайшим примером активизации архаичных, доцивилизованных социальных отношений, аскриптивных общностей и практик. Люди, утратившие социокультурную идентичность и социальную солидарность, стремятся обрести их вновь, замыкаясь в семейно-клановых, этнических, религиозных, а также и в широко распространенных криминальных сообществах. Адаптация общества к криминализации происходила в форме принятия хаоса и отсутствия порядка в качестве «свободы», а культура, в первую очередь массовая, трансформировалась в институт легитимации низменных инстинктов. Российское общество того времени ничего не могло противопоставить процессу архаизации [Ерасов 2002, с. 474]. Более того, у криминала нашлись свои «апологеты», рассматривавшие его не как скатывание об-

щества в доцивилизированное состояние, а как проявление социальных инноваций. Криминализация и реальная архаизация социальных отношений парадоксальным образом воспринимались в качестве процесса разрыва с «архаикой» как устоявшейся формой социальной регуляции в немодернизированном обществе, в то время как критика подобных деструктивных тенденций как раз и рассматривается в качестве архаизации, т.е. неприятия прогрессивных тенденций социокультурного развития (см.: [Сергеев 2012]).

Все же представляется, что процесс восприятия и закрепления социальных нововведений осуществляется не как снятие ограничений на заведомо девиантные, криминальные практики и их постепенная легализация, а, напротив, как их ограничение и пресечение посредством утверждения новых нормативных порядков и ценностных образцов. В современной России этот процесс идет весьма сложно.

Существенное влияние на инновационное развитие оказывает организационная и деловая культура. Распространено мнение, что преобладание бюрократической формы управления, вертикальных связей, жестких иерархических отношений, давления коллектива на индивида, ограничения доступа к информации и т.п. препятствуют развитию компаний и предприятий. В то же время считается, что эгалитаризм, индивидуализм, приоритет квалификации перед формальным статусом, ориентация на решение конкретных задач способствуют производству и внедрению новшеств [Ясин, Лебедева 2009, с. 24]. На основании мнений специалистов и экспертов можно высказать предположение, что главным тормозом для процесса обновления в российских компаниях (как государственных, так и частных и смешанных) является не столько бюрократическая иерархическая структура управления сама по себе, сколько приоритет контроля над функциональностью, отдаваемый руководством. Нововведения тормозятся не сами по себе ориентацией на традиции, неким априорным консерватизмом руководителей и властным подавлением индивидуальной инициативы, а явными и латентными противоречиями и противостояниями внутри руководства за сохранение баланса влияния на развитие компании и получение преимуществ от этого влияния – административной ренты. Препятствия прогрессу определяются не столько социокультурными, сколько политическими отношениями, то есть стремлением к власти-контролю в ущерб достижению практических целей, в том числе и повышению эффективности компании.

Таким образом, развитие современной российской экономики, в том числе и рынка труда, в условиях наметившегося в 2013–2015 гг. замедления экономического роста и проявления кризисных тенденций, а также возникший вследствие изменения международных отношений императив скорейшего перехода к импортозамещению предъявляют участникам хозяйственной жизни множество вызовов, которые требуют поиска ответов. Однако такой поиск блокируется, на наш взгляд, не отсутствием желания новизны или неспособностью ее производить, а состоянием институтов, которые в настоящее время позволяют участникам рынка получать незаслуженные конкурентные преимущества, способствуют упрощению и архаизации хозяйственной деятельности. Для прорыва России необходимы институциональные трансформации, которые не только повысят реальную привлекательность инновационной деятельности (развитие финансирования, налоговые льготы и т.д.), но и при этом минимизируют доступность незаслуженных доходов для бизнеса.

Архаизация повседневных социальных практик как препятствие инновационного развития России

Главная проблема инновационного развития современной России состоит в том, что ни рынок, ни бизнес, ни какие-либо другие институциональные структуры пока не соответствуют высокому темпу динамики *современного сложного общества* [Кравченко 2012, с. 12–48, 93–94]. Адаптация к быстро и зачастую непредсказуемо меняющемуся социуму требует институционализации условий для деятельности социальных акторов, способных не только использовать принципиально новые решения, но и самостоятельно инициировать изменения. Колебания рыночной конъюнктуры, валютных курсов, условий занятости, экологические риски и прочее вынуждают современного человека к быстрой смене места работы, потребительских привычек, бытового уклада и т.д.

При этом на массовом уровне приспособление к усложнению социума и ускорению его динамики происходит не через развитие инновативности, а посредством архаизации социальных практик, т.е. стихийного обращения к решениям, почерпнутым из прошлого, как к возможности адаптироваться к трудностям через поиск простых ответов. Архаизация представляет собой более или менее осознанный отказ от нововведений в различных областях жизнедеятельности как реакцию на недоступность последних, невозможность приобщения к ним в силу недостаточности институциональных условий их освоения. Она не связана непосредственно с ростом преступности и отклоняющегося поведения, с дегуманизацией общественных отношений и представляет собой не асоциальное, а упрощенное поведение как сознательный отказ от освоения более сложных социальных практик. Автор считает целесообразным согласиться с российской исследовательницей Ч.К. Ламажаа, увидевшей в этом явлении адаптивный механизм, позволяющий определенным социальным группам сохранять жизнеспособность в условиях быстрых и неорганичных для них социальных трансформаций через возврат к ценностям и практикам прошлого [Ламажаа 2013]. На уровне индивидуального поведения архаизацию можно сравнить с фрейдовской *регрессией* – механизмом самозащиты человеческого «Я» в условиях невозможности адекватного ответа на психокультурные травмы, обусловленные растущей сложностью внешнего мира [Фрейд 2003]. В то же время в современной России эти процессы не только сопряжены с включением в общемировые тенденции развития сложного социума, но обусловлены и усилены специфическими условиями неорганичной модернизации.

Упрощенные практики становятся доступным ответом на вызов сложности современного общества, который предоставляет возможность осуществлять организацию социальной жизни на массовом уровне, удовлетворяя потребность людей в предсказуемости и повторяемости, в однозначных рациональных интерпретациях происходящего. Они позволяют формировать и воспроизводить относительно устойчивые параметры порядка, создают ощущение стабильности и безопасности в условиях растущих рисков. Однако социокультурная амбивалентность архаичных социальных практик состоит в том, что они сводят к простейшим шаблонным действиям необходимое многообразие форм социальной адаптации, не разрешают социальным акторам развивать инновативность и самоорганизацию.

Хозяйственные нововведения тесно связаны с обыденной жизнью людей, и любое из них, будь то социальное или чисто техническое, в конечном счете долж-

но войти в будничные практики, адаптироваться ими и стать их неотъемлемой частью. Как показывают данные социологов, лишь 18% российских респондентов согласились с утверждением, что *инновационные продукты облегчают повседневную жизнь*, в то время как в Европе с этим согласились 43% [Шувалова 2010, с. 40–41]. Это объясняется, на наш взгляд, не только недоступностью этих продуктов для значительной части населения нашей страны, но и уровнем житейских проблем, которые далеко не всегда могут быть решены с помощью технических новинок. Доступ в Интернет вряд ли существенно улучшит жизнь российской глубинки, где люди зачастую не имеют элементарных удобств и реального доступа к социальной инфраструктуре – транспорту, связи, медицинскому обслуживанию и т.д.

Специфика нововведений в ежедневном жизнеустройстве состоит в том, что их внедрение протекает почти незаметно для осуществляющих их акторов. Обыденная жизнь представляет собой сложный диалектический процесс воспроизводства рутинных практик и их непрерывного обновления. Можно согласиться с А. Шютцем, что повседневность постоянно меняется, она подобна реке, в воды которой нельзя войти дважды, однако эти изменения носят постепенный и системный характер. «Система, возможно, полностью изменилась, но она изменилась как система; она никогда не подрывалась и не низвергалась; даже при своей модификации она все еще остается подходящим инструментом для управления жизнью» [Шютц 2003, с. 215].

С повседневностью связана *срединная культура*, которая, по определению Б.С. Ерасова, формирует устойчивую и непротиворечивую совокупность ценностных ориентаций, снимает напряженность оппозиционных ценностей, формирует устойчивый нравственный идеал, приемлемый для широких масс на достаточно длительный период. В контексте обыденной жизни на основе срединной культуры складывается устойчивая сеть социальных отношений, обеспечивающая стабильность и единство общества, происходит взаимная адаптация социальных групп и снимаются наиболее острые противоречия [Ерасов 2000, с. 136–137]. Именно эти свойства обыденной жизни позволили А. Ахиезеру назвать ее «последней баррикадой» защиты общества от роста дезорганизации и хаоса [Ахиезер 1991, с. 245].

Повседневность никогда не остается замкнутой системой. Она имеет подвижные и проницаемые границы и пронизана сложными взаимосвязями с «большим миром» политики, высокой культурой, духовной жизнью. Эти корреляции носят разносторонний характер: с одной стороны, обыденная жизнь питается «большими» идеями и ценностями через их постепенную рутинизацию, с другой, сама становится источником нововведений, лежащих в основе развития общества. Примером такой открытости высшим ценностям и активной политике является блестящий памятник средневековой русской (допетровской и дониконовской) литературы «Домострой» (XVI в.). В нем детализация устройства обыденности «малого мира» семьи неразрывно связана с представлениями об открытости этого мира как высшим духовным ценностям через восприятие Дома как Храма, через служение Богу, так и «большой политике» через выполнение обязанностей государственной службы.

Повседневная жизнь особенно чувствительна к «шагу новизны», и его превышение именно в ней провоцирует конфликты и архаизацию практик как форму отторжения инноваций, к которым общество не готово. Чем устойчивее срединная культура общества, тем более оно жизнеспособно, тем менее травматично протекают в нем разного рода трансформации. В этой связи необходимо отметить,

что одна из главных проблем России на протяжении нескольких столетий – шаткость обыденного мироустроения, которое из сферы стабильности, прибежища от хаоса и неопределенности превращается в зону риска и дискомфорта.

Это подтверждает анализ отношения к повседневности в современной русской культуре, осуществленный социолингвистическими методами на основе анализа словарных массивов и выделения семантических зон оценочных слов, ассоциативно связанных с этим концептом. Установлено, что на 12 положительных оценочных слов и 4 нейтральных приходится 59 негативно окрашенных, среди которых есть и такие, как «ненормальный», «дурдом», «пляска дикарей», «ужас», «нездоровый», «кошмар», «жестокая», «борьба за существование». Преобладающими по частоте упоминаний оказываются негативные ассоциации, отражающие «скуку», «серость», «тоску», «безотрадность» [Чулкина 2009, с. 123–126].

Как уже было отмечено, важнейшим тормозом для инновационного развития во всех сферах социальной, экономической, культурной жизни России является не отсутствие социальных изменений, а их неорганичность и слишком высокий темп, провоцирующий отчуждение от них значительной части общества. По данным социологов, собственную беспомощность, неспособность влиять на происходящее вокруг в 2011 г. часто испытывали 36% опрошенных, а иногда – 50%. Россияне разделились на две социальных категории – мира обеспеченности, уверенности в себе, чувства «хозяина своей судьбы», и мира социальной эксклюзии, отчужденности, зависимости от внешних сил, неспособности контролировать свою судьбу [Двадцать лет реформ 2011, с. 63–64]. В сложном обществе происходит разделение на анклавные, включенные в процессы инновационного развития и ставшие реальной частью мирового сообщества и культуры, и на маргинальные «некоммуникабельные пространства нефункционального и дисфункционального толка» [Кравченко 2010, с. 31]. Эти группы, не воспринимающие культурные и технологические новшества, ощущающие себя исключенными из общественной жизни, испытывающие отчуждение от собственной жизни, не имеющие надежд и планов на будущее, вынуждены адаптироваться к усложнению общества путем принятия упрощенных схем действий и архаизации социальных практик.

Наиболее ярко эти тенденции проявляются в социальных анклавах, образующихся вследствие «исключающего развития». Данное понятие ввел М. Кастельс для обозначения постоянного реструктурирования территорий и мест под воздействием логики социальных сетей и информационных потоков, которые приводят к исключению целых регионов, а также связанных с ними социальных групп из глобальных взаимодействий [Кастельс 1999]. Для России вопрос о перспективных и неперспективных, развивающихся и депрессивных регионах был актуален всегда. Но именно в конце XX в. в связи с интеграцией в мировую экономику встал вопрос о «нужных» и «ненужных» территориях, о фактическом разделении страны на регионы, которые имеют будущее с точки зрения их включения во всеобщее развитие и которые не имеют будущего и подлежат исключению из него. Причем если логика вторичной модернизации предполагает постепенное преодоление маргинализации и ликвидацию отсталости, то глобализация и логика постмодерна подобного универсального прогресса не предполагает. Неспособность этих социальных анклавов адаптироваться к усложняющемуся социуму порождает непрерывное воспроизводство «глубокой периферии» с ее бедностью и отсталостью в качестве *системного элемента* мироустроения. Именно на базе этих групп происходит архаизация как адаптация через отказ от сложных современных форм

хозяйственной и профессиональной деятельности, социального, культурного, политического участия. Таким образом, наряду с модернизацией и инновационным развитием в наиболее современных территориях, происходит архаизация как утрата достигнутого ранее культурного уровня.

Материальными и географическими центрами глобального пространства являются, по мнению М. Кастельса, мегаполисы, представляющие собой не просто места-территории, а, по существу, *процессы*, обеспечивающие движение информации по мировым сетям и генерирующие инновации: «Глобальный город – не место, а процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные сообщества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра» [Кастельс 1999]. А поскольку нахождение в сети сближает участников за счет принадлежности к единому «пространству потоков», то эти центры финансовой и управленческой деятельности находятся в едином пространстве, несмотря на территориальное удаление. Неучастие же в сети отдаляет субъекты независимо от их реальной близости, поэтому большие города как центральные узлы мировых сетей становятся отделенными даже от своих близких окраин и от периферийных районов в рамках государства и оказываются противопоставленными им.

Именно включенность или невключенность в «пространство потоков» объясняет обостряющиеся на протяжении последних десятилетий противоречия между Москвой (и несколькими другими крупными региональными центрами, интегрированными в мировые экономические и информационные сети) и российскими регионами. Фактически это означает, что, например, московские биржевые трейдеры *ближе* к своим коллегам на площадках Токио и Нью-Йорка, поскольку находятся с ними в едином пространстве финансовых потоков, чем к жителям деревень Московской или Ивановской областей и даже к московским рабочим или строителям, которые связаны локальными условиями хозяйствования и повседневной жизни.

Архаизация на социальной базе «исключающего развития» становится обратной стороной усложнения и интенсификации хозяйственных, информационных, ресурсных, человеческих потоков в современных анклавах. Представляются весьма интересными наблюдения В.И. Ильина, который рассматривает присущий современной России антагонизм столицы как центра притяжения глобальных финансовых, информационных, миграционных и других потоков и дезориентирования социальной жизни и глубинки как «части социокультурного пространства, относительно изолированной от основных его потоков, характеризующейся их относительно низкой интенсивностью и плотностью» [Ильин 2010, с. 27]. По мнению В.И. Ильина, у нас в стране не только не происходит гармонизации отношений столицы и глубинки, не только не используется для современного развития ее ценнейший стабилизационный потенциал, но и развитие столицы во многом осуществляется за счет архаизации глубинки. Так, модернизация железнодорожного сообщения между Москвой и другими крупными центрами (Санкт-Петербургом, Нижним Новгородом и др.), как это ни парадоксально, выступает фактором еще большей изоляции глубинки: поезда наращивают скорость за счет сокращения количества остановок на промежуточных станциях, уменьшается количество пригородных поездов. В результате жители глубинки остаются без самого доступного транспорта и регулярной связи с центрами современного развития [Ильин 2010, с. 33].

Инновационному развитию современной России препятствуют пассивность, уход в быт, в потребительство, а также отсутствие «больших проектов», которые могли бы мобилизовать творческую инициативу. Вместо активного социального творчества люди возвращаются к зависимости от решений, принятых другими – органами власти, политическими лидерами и партиями, лидерами общественного мнения и т.д. По данным Института социологии РАН, «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» мечтает 33% респондентов, однако быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России – лишь 11%. Среди идеалов россиян лидирует мечта «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не считая копейки» – 40% респондентов. В то же время о хорошем образовании мечтают лишь 12%, о собственном деле – 15%, только 7% стремятся устроиться на хорошую работу, и всего 4% – заслужить известность и уважение [О чем мечтают россияне 2013, с. 23]. Таким образом, можно заключить, что в современной России формируется, по определению П.А. Сорокина, «пассивно-чувственный» тип культурной ментальности, для которого характерны не только сугубо потребительская направленность жизненных ожиданий, но и крайняя узость восприятия реальности и социальных практик, сосредоточенная на техниках чувственных удовольствий [Сорокин 2000, с. 60–64]. Такой тип ментальности лишен инновативности и блокирует ее отсутствием потребности выходить за рамки эмпирической данности. Озвученная некогда установка на воспитание «квалифицированного потребителя» противоположна императиву прогрессивного развития страны.

Одним из проявлений упрощения повседневных практик, негативно влияющих на развитие современной России, являются трансформации досуга. Именно в цивилизованных формах досуга раскрывается самоценность культурного творчества, наращиваются интеллектуальный потенциал и навыки, которые благодаря своему неутилитарному характеру способствуют развитию. Еще К. Маркс в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» писал о свободном времени как важнейшей форме общественного богатства, поскольку именно оно становится ресурсом для развития творческого потенциала человека. Но для того чтобы досуг выполнял функцию его развития, он должен быть содержательным, а не сводиться к примитивным формам отдыха как простого «ничегонеделания» и не расходоваться на выполнение рутинной домашней работы.

В настоящее время в России социологи констатируют стабильное массовое воспроизводство пассивных форм домашнего досуга как «просто отдыха» (49% по данным 2012 г.), а также работы по дому (47% в 2012 г.). С 2003 по 2012 г. сократилось количество приверженцев «домашних хобби» (с 19% в 2003 г. до 15% в 2012 г.), число тех, кто в свободное время занят самообразованием, уменьшилось с 15% в 2003 г. до 13% в 2012 г., также россияне стали реже посещать музеи и выставки (с 8% в 2003 г. до 6% в 2012 г.) [О чем мечтают россияне 2013, с. 222]. В то же время А.А. Возьмитель отмечает, что не наблюдается роста сложных современных, внедомашних форм досуга и досуга-участия, ориентированного на развитие человеческого капитала, – участия в работе общественных организаций, получения дополнительного образования, посещения клубов по интересам и т.п. При этом с 2003 по 2012 г. выросла в 8,5 раз доля россиян, занятых в свободное время работой для дополнительного заработка [Возьмитель 2012, с. 89], что свидетельствует о фактическом сокращении объема свободного времени для значительной части населения. Хотя россияне не относятся к числу самых загруженных работой и показатели рабочего времени в современной России находятся

на среднеевропейском уровне, мы входим в число лидеров (5-е место в европейском рейтинге) по чувству усталости от работы, поэтому даже имеющееся свободное время не приносит удовольствия и используется непродуктивно [Седова 2014, с. 214]. Досуг как ресурс развития человеческого капитала, повышения творческого потенциала общества не только не использован в полной мере – сейчас происходит его архаизация, контрпродуктивная для развития страны.

Перспективы развития России в современном мире во многом зависят от способности мобилизовать инновационный потенциал. Представляются неадекватными выводы о том, что российская культура, цивилизационное устройство общества «сами по себе» тормозят производство и нововведения. Напротив, в сложной и противоречивой российской цивилизации заложены экзистенциальные и ценностные основания прогрессивного развития, однако для их реализации как в прошлом, так и в настоящем не достает адекватных институциональных оснований. Ожидания активизации этого развития, связанные в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. с рыночными преобразованиями экономики и развитием конкурентного предпринимательства, в основном не оправдались. Постсоветские трансформации институциональной и социокультурной базы национальной инновационной системы не способствуют, а, скорее, препятствуют ее развитию, поскольку мотивируют воспроизводство рентаориентированного предпринимательства. В обыденной жизни большинства россиян новшества оказываются не востребуемыми в силу того, что они вынуждены адаптироваться к изменениям жизни за счет упрощения своих повседневных практик. При этом наиболее принципиальным препятствием для развития представляются неорганичные и дисфункциональные социальные нововведения, которые превышают «шаг новизны», т.е. не могут быть адекватно адаптированы обществом и тем самым способствуют его архаизации.

Литература

- Ахиезер А.С. (1991) Россия: критика исторического опыта. Т. III. М.: Изд-во ФО СССР.
- Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 44–271.
- Возьмителъ А.А. (2012) Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: ИС РАН.
- Глобальный индекс инноваций 2014 года (2014) // Центр гуманитарных технологий. 18.07.2014 // <http://gtmarket.ru/news/2014/07/18/6841>
- Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад (2010). М.: ИС РАН.
- Двадцать лет реформ глазами россиян. Аналитический доклад (2011). М.: ИС РАН.
- Даниленко Л.Н. (2013) Феномен рентаориентированного поведения в институциональном аспекте // Мир России. Т. 22. № 3. С. 35–59.
- Ерасов Б.С. (2002) Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука.
- Зарубина Н.Н. (1) (2011) Деньги как социокультурный феномен. М.: Анкил.

- Зарубина Н.Н. (2) (2011) Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 3–18.
- Ильин В.И. (2010) Российская глубинка в социальной структуре России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 13. № 4. С. 5–24.
- Кастельс М. (1999) Становление общества сетевых структур // <http://ido.edu.ru/ffec/philos/chrest/g17/kastels.html>
- Кравченко С.А. (2010) Социальные реалии и социология: подходы // *Россия реформирующаяся*. Ежегодник. Вып. 9. М.: Новый хронограф. С. 24–42.
- Кравченко С.А. (2012) Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет.
- Ламажаа Ч.К. (2013) Архаизация общества: Тувинский феномен. М.: URSS.
- Лапин Н.И. (2008) Теория и практика инноватики. М.: Логос.
- Лебедева Н.М. (2008) Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России // *Психология*. Т. 5. № 2. С. 68–88.
- Лебедева Н.М. (2009) Ценности и отношение к инновациям российских и канадских студентов // *Психологический журнал*. Т. 30. № 5. С. 81–92.
- Лексин В.Н. (2010) Консерватизм как иммунная система современности // *Консерватизм/традиционализм: теория, формы реализации, перспектива*. М.: Научный эксперт. С. 74–77.
- Лотман Ю.М. (2010) Проблема знака и знаковой системы в типологии русской культуры XI–XIX веков // *Лотман Ю.М. Чему учатся люди*. М.: Центр Книги Рудомино. С. 154–179.
- Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны (1867–1868). М. О чем мечтают россияне. Идеал и реальность (2013). М.: «Весь мир».
- Панарин А.С. (2005) Глобальные деконструкции как новейшая стадия нигилизма // *Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма*. М.: ИФ РАН. С. 147–185.
- Седова Н.Н. (2014) О досуге бедных // *Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) Бедность и бедные в современной России*. М.: Весь мир. С. 209–236.
- Сергеев Д.В. (2012) Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // *Мир России*. № 3. С. 100–118.
- Сорокин П.А. (2000) Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ.
- Успенский Г.И. (1988) *Буржуй* // *Успенский Г.И. Сочинения в двух томах*. Т. 2. М.: Художественная литература.
- Фрейд З. (2003) Введение в психоанализ. Лекция 22. СПб: Азбука-Классика.
- Фромм Э. (2003) *Человек для самого себя*. Минск: Харвест.
- Харрисон Л. (2002) Способствуя прогрессивным преобразованиям в культуре // *Культура имеет значение*. М.: Московская школа политических исследований. С. 290–305.
- Чулкина Н.Л. (2009) Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М.: Наука.
- Шувалова О.Р. (2010) Индикаторы инновационного климата в России (по итогам массовых опросов населения // *Форсайт*. Т. 4. № 1. С. 38–52.
- Шумпетер Й.А. (2007) Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо.
- Шютц А. (2003) Возвращающийся домой // *Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии*. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение». С. 207–221.
- Ясин Е.Г., Лебедева Н.М. (2009) Культура и инновации. К постановке проблемы // *Форсайт*. № 2. С. 16–26.
- Ясперс К. (1991) Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М.: ИНИОН.
- Schwartz S.H., Bardi A. (2001) Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 32, pp. 268–290.
- Shane S. (1992) Why Do Some Societies Invent More Than Others? // *Journal of Business Venturing*, no 7, pp. 29–46.
- Weber M. (1923) *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. B.I. Konfuzianismus und Taoismus. Tuebingen.

The Civilizational and Institutional Contexts of Innovation-Driven Development in Russia

N. ZARUBINA*

***Natalia Zarubina** – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations. Address: 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation. E-mail: n-zarubina@yandex.ru

Citation: Zarubina N. (2015) The Civilizational and Institutional Contexts of Innovation-Driven Development in Russia. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 28–49 (in Russian)

Abstract

This article deals with the civilizational and institutional background of innovation-driven development in Russia. By analysing the existing record of innovation breakthroughs in ‘axial civilizations’ and discussing the specifics of Russian civilization the author argues that Russia has sufficient sociocultural foundations for innovation-driven development. However, this capacity can only be implemented in an adequate institutional setting.

Paradoxically, one of the main obstacles to innovation in Russia is the radical perception of novelty per se, which translates into the sudden and often inorganic nature of institutional change. This leads to a situation where social and institutional innovations are not only absorbed by society, but also generate the archaisation of existing social practices. For instance, market reforms (for Russia an innovation in themselves) have devolved into various rent-seeking activities, rather than spurred innovation-driven growth and development. Archaisation also affects everyday life, as Russians try to cope with these inorganic transformations.

Therefore in order to activate the capacity for innovation, Russia must first dismantle its dysfunctional and inorganic institutions and adopt a less radical perception of novelty. Second, it should not only continue stimulating innovative forms of business, but also improve its economic institutions to minimize opportunism and rent-seeking activities. Third, it is necessary to support and activate alienated social groups, which reproduce archaic practices and constrain innovation.

Keywords: social innovation, innovation-drive development, social adaptation, archaism, everyday life

References

Akhiezer A.S. (1991) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: a Critique of Historical Experience. Vol. III], Moscow: FO SSSR.

- Chulkina N.L. (2009) *Mir povsednevnosti v yazykovom soznanii russkikh: lingvokulturologicheskoe opisaniye* [The World of Everyday Life in the Language Consciousness of Russians: a Linguistic and Cultural Description], Moscow: Nauka.
- Danilenko L.N. (2013) Fenomen rentoorientirovannogo povedeniya v institutsional'nom aspekte [The Phenomenon of Rent-Seeking Behavior in the Institutional Aspect]. *Mir Rossii*, vol. 22, no 3, pp. 35–59
- Dvadsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sociologicheskikh zamerov* (2011) [Twenty Years of Reform Through the Eyes of Russians: Evidence from Several Years of Sociological Observations], Moscow: Ves' Mir.
- Erasov B.S. (2002) *Tsivilizatsii: universalii i samobytnost'* [Civilizations: Universals and Identity], Moscow: Nauka.
- Freud S. (2003) *Vvedenie v psikhoanaliz* [New Introductory Lectures on Psycho-Analysis], St. Petersburg: Azbuka-Klassika.
- Fromm Je. (2003) *Chelovek dlya samogo sebya* [A Man for Himself], Minsk: Harvest.
- Global'nyi indeks innovatsii 2014 goda (2014) [The Global Innovation Index 2014]. *Tsentr gumanitarnykh tekhnologii* [The Centre for Humanitarian Technologies] 18.07.2014. Available at: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/18/6841>, accessed 02 September 2014.
- Gotovo li rossiiskoe obshchestvo k modernizatsii? Analiticheskii doklad* (2010) [Is Russian Society Ready to Modernize? An Analytical Report], Moscow: IS RAN.
- Harrison L. (2002) Sposobstvuya progressivnym preobrazovaniyam v kul'ture [Contributing to the Progressive Transformation of Culture]. *Kul'tura imeet znachenie* [Culture Matters], Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, pp. 290–305.
- Il'in V.I. (2010) Rossiiskaya glubinka v social'noi strukture Rossii [Russia's Remote Areas as a Part of its Social Structure]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 13, no 4, pp. 5–24.
- Jaspers K. (1991) *Istoki istorii i ee tsel'* [The Origins of History and its Purpose. Issue 1], Moscow: INION.
- Kastels M. (1999) *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur* [The Formation of Network Structures in Society]. Available at: <http://ido.edu.ru/ffec/philos/chrest/g17/kastels.html>, accessed 09 November 2013.
- Kravchenko S.A. (2010) Social'nye realii i sotsiologiya: podkhody [Sociology and Social Realities: Approaches]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. Year-book. Issue 9, Moscow: Novyi khronograf, pp. 24–42.
- Kravchenko S.A. (2012) *Stanovlenie slozhnogo obshchestva: k obosnovaniyu gumanisticheskoi teorii slozhnosti* [Formation of a Complex Society: to the Justification of the Humanistic Theory of Complexity], Moscow: MGIMO.
- Lamazhaa Ch.K. (2013) *Arkhazatsiya obshchestva: Tuvinskii fenomen* [Archaization of Society: the Tuva Phenomenon], Moscow: URSS.
- Lapin N.I. (2008) *Teoriya i praktika innovatiki* [Theory and Practice of Innovation], Moscow: Logos.
- Lebedeva N.M. (2008) Tsennosti kul'tury, ekonomicheskie ustanovki i otnoshenie k innovatsiyam v Rossii [Cultural Values, Economic Attitudes and Attitudes to Innovation in Russia]. *Psikhologiya*, vol. 5, no 2, pp. 68–88.
- Lebedeva N.M. (2009) Tsennosti i otnoshenie k innovatsiyam rossiiskikh i kanadskikh studentov [Values and Attitudes Towards Innovation between Russian and Canadian Students]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 30, no 5, pp. 81–92.
- Leksin V.N. (2010) Konservatizm kak immunnaya sistema sovremennosti [Conservatism as the Immune System of Our Time]. *Konservatizm/traditsionalizm: teoriya, formy realizatsii, perspektiva* [Konservatizm/Traditionalism: Theory, Forms of Implementation, the Prospect of Possibilities], Moscow: Nauchnyi ekspert, pp. 74–77.
- Lotman Ju.M. (2010) Problema znaka i znakovoi sistemy v tipologii russkoi kul'tury XI–XIX vekov [The Problem of Signs and Sign Systems in the Typology of Russian Culture in XI–XIX Centuries]. Lotman Ju.M. *Chemu uchatsya lyudi* [What Do People Study], Moscow: Tsentr Knigi Rudomino, pp. 154–179.
- Nashe kupechestvo i torgovlya s ser'eznoi i karikaturnoi storony* (1867–1868) [Our Merchants and Trade from a Serious and Comical Perspectives], Moscow.

- O chom mechtayut rossiyaane. Ideal i real'nost'* (2013) [What Russians Dream About: the Ideal and Reality], Moscow: Ves' mir.
- Panarin A.S. (2005) Global'nye dekonstruktsii kak noveishaya stadiya nigilizma [Global Deconstruction as the Latest Stage of Nihilism]. Panarin A.S. *Russkaya kul'tura pered vyzovom postmodernizma* [Russian Culture and the Challenge of Postmodernism], Moscow: IF RAN, pp. 147–185.
- Sedova N.N. (2014) O dosuge bednykh [On the Leisure of the Poor]. *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and the Poor in Russia] (eds. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E.), Moscow: Ves' mir, pp. 209–236.
- Sergeev D.V. (2012) Social'no-kul'turnaya situatsiya v Rossii nachala XXI v.: retsidivnaya kul'tura, arkhazitsiya, izobretnennaya arkhazika [Socio-cultural Situation in Russia at the Beginning of XXI century: Recurrent Culture, Archaism, Invented Archaic]. *Mir Rossii*, no 3, pp. 100–118.
- Sorokin P.A. (2000) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics], St. Petersburg: RHGI.
- Schumpeter J.A. (2007) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya* [Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy], Moscow: Eksmo.
- Shuvalova O.R. (2010) Indikatory innovatsionnogo klimata v Rossii (po itogam massovykh oprosov naseleniya [Indicators of Innovation Climate in Russia (According to Mass Population Surveys)]. *Foresight*, vol. 4, no 1, pp. 38–52.
- Schütz A. (2003) *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira* [Semantic Structure of the Everyday World], Moscow: Obshchestvennoe mnenie.
- Schwartz S.H., Bardi A. (2001) Value Hierarchies Across Cultures: Taking a Similarities Perspective. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 32, pp. 268–290.
- Shane S. (1992) Why Do Some Societies Invent More Than Others? *Journal of Business Venturing*, no 7, pp. 29–46.
- Uspenskii G.I. (1988) *Burzhui* [Bourgeois]. Uspenskii G.I. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes], Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Veber M. (1990) *Protestantskaja jetika i duh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* [The Selected Works], Moscow: Progress, pp. 44–271.
- Voz'mitel' A.A. (2012) *Obraz zhizni: tendentsii i kharakter izmenenii v poreformennoi Rossii*. [Lifestyle Trends and Behavior in the Post-reform Russia], Moscow: IS RAN.
- Weber M. (1923) *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. B. I. Konfuzianismus und Taoismus*. Tuebingen.
- Yasin E.G., Lebedeva N.M. (2009) Kul'tura i innovatsii. K postanovke problem [Culture and Innovations. Towards the Setting of the Problem]. *Foresight*, no 2 (10), pp. 16–26.
- Zarubina N.N. (1) (2011) *Den'gi kak sotsiokul'turnyi fenomen* [Money as a Sociocultural Phenomenon], Moscow: Ankil.
- Zarubina N.N. (2) (2011) *Povsednevnost' v kontekste sotsiokul'turnykh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [Daily Life in the Context of Socio-Cultural Transformation of Russian Society]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 3–18.